

Андрей Гейм: «Я не верю в нанореволюцию ни в России, нигде»

«АиФ»: - Как чувствуете себя в роли нобелевского лауреата? Андрей Гейм: - Начинаю привыкать (смеётся). Идёт масса поздравлений, интервью, не дают расслабиться и прочувствовать свершившееся.

«АиФ»: - С чего началось ваше исследование, получившее столь высокую оценку? А. Г.: - Всегда ищешь что-то интересное. А наноструктуры в начале XXI века были у многих на слуху. Ещё в 2003 году я подумал: а почему бы не посмотреть на это под другим углом? Если попробовать не создавать с нуля что-то микроскопическое, а уменьшить уже существующее? К примеру, попробовать утончать графен? Вот и доуточнались до премии.

«АиФ»: - Где вы учились? А. Г.: - Школу я заканчивал в Нальчике, дальше был Московский физтех, кандидатскую защищал в Институте физики твёрдого тела РАН в Черноголовке. Из России я уехал в 1990 году. Причём уезжал именно работать, а не убегал от бытовых неурядиц, поэтому иммигрантом в том смысле слова, в котором его чаще всего употребляют, не был. Работал в Дании, потом 2-3 года в Великобритании. Затем получил место профессора в Голландии, голландский паспорт. Вот теперь здесь, в Манчестере, тружусь.

«АиФ»: - Почему вы уехали из России? А. Г.: - Так работать же было совершенно невозможно! Денег не было.

«АиФ»: - Зарплату не платили? А. Г.: - Нет, не в смысле зарплаты. Когда работаешь над чем-то, о зарплате и не думаешь. Наши учёные всегда готовы были работать на голом (в буквальном смысле этого слова) энтузиазме. Но когда нет денег на элементарное оборудование, на опыты и эксперименты, то тут уж какая работа? И энтузиазм не поможет.

«АиФ»: - А теперь, когда в России так много говорят о модернизации, когда строят центр науки в Сколкове, вернуться планируете? А. Г.: - Пока в планах этого нет.

«АиФ»: - Верите ли вы в нанореволюцию в России? А. Г.: - Я вообще не верю в этот термин. Потому что это очень растяжимое понятие. Компьютерные чипы - это нанотехнологии, современная химия, даже то, с чем мы сталкиваемся каждый день, - это нанотехнологии. Ребёнок из пробирки - тоже нанотехнология. Так о какой революции мы говорим, когда мы все, включая Россию, уже давно живём в эпоху нанотехнологий? Надо осторожнее относиться к терминам и лозунгам, особенно таким, которые содержат слова вроде «революции», «технологии». Никаких революций не будет ни в России, нигде. Всё будет просто развиваться.

«АиФ»: - Вы жили и работали в нескольких странах. А гражданином какой страны считает себя ваша дочка? А. Г.: - Ей 10 лет, очень интересный возраст. Мы как-то все ехали в такси, и водитель спросил, откуда я с таким интересным акцентом. Я пошутил: с Марса. Когда же он начал допытываться, я сказал: я голландец, так как тогда уже получил голландский паспорт. На что моя дочка возмутилась: «Папа, ты не голландец, ты русский. А голландка я». Это тем более было смешно, что она в Голландии прожила всего полгода и ни слова не знает по-голландски. Вот такие мы - полумарсиане, полурусские, полуголландцы. К тому же я ещё и, как у нас говорили, этнический немец.

«АиФ»: - Это не первая ваша награда. Несколько лет назад вы были отмечены и Шнобелевской премией за опыты с летающими лягушками (лягушка парила в воздухе под воздействием сильного магнита). А. Г.: - Тот опыт, в общем-то, и был задуман как опыт с улыбкой. Это был преподавательский эксперимент, чтобы наглядно показать наличие у всего живого собственных магнитных полей. Эта фотография потом появилась во многих учебниках по магнетизму. Я сам с неё начинал свои лекции. А лягушка просто под рукой оказалась. Я и на своём хомяке Тише ставил эксперименты. Мы с ним вместе, можно сказать в партнёрстве, большую научную статью написали.

Читайте также: Наносмелость. Нобелевская премия дана за авантюру?